

Людмила МАРАВА

ДОНЧАНКИ ИЗ БЛОКАДНОГО ВРЕМЕНИ

Вдохновенье — чрезмерный, сплошной
Вдох мгновенья душою немой,
Не спасет ее выдох иной,
Кроме слова, что сказано мной.

Белла Ахмадулина

Каскад празднично сияющего света бойко струился по фасаду здания от крыши до самой земли. Издалека такое световое движение, плохо различимое в туманных сумерках декабря, воспринималось как веселая, но все же механически примитивная мелодия невидимой шарманки, которая беззвучно будоражила окружающую свинцово-серую реальность города ослепительными брызгами мелко дрожавших огней. Казалось, что электрические лампочки продрогли на морозном воздухе.

Еще несколько шагов мимо нарядно разукрашенного фасада известного в Донецке здания — и попадешь в плотную черную завесу, окутывающую остальную городскую застройку. Лишь вокруг чудом сохранившегося после бесчисленных бомбежек строения много света. Но почему-то тяжело на душе. Не хочет она поверить в добрую беззаботность быстро приближавшихся к городу новогодних праздников. По-прежнему нервно вздрагивает Донецк от грохота совсем рядом разрывающихся снарядов. По-прежнему мало кто обращает на это внимание. Да и некому обращать: и на проезжей части, и на тротуаре — пустота.

Отдаляясь от сияющего здания, почему-то часто оглядываюсь и думаю: как же это надо теперь связать воедино — кровавую будничность ежедневных обстрелов всего города и чье-то крамольно вызывающее желание веселиться в условиях резко обострившегося донбасского конфликта. Как будто ничего трагического не происходит. Как будто можно не замечать, с каким звериным остервенением утрамбовывается, плотно и на десятилетия вперед, разорвавшимися и случайно не разорвавшимися снарядами донецкая земля.

Особенно зловеще истерзана она у реки Кальмиус. Река словно родовая пуповина и сегодняшний спасительный талисман Донецка. Города, изуверски наказанного за что-то своей судьбой, но упорно пытающегося всеми силами преодолеть предначертанную ему свыше обреченность — пережить, выстоять, возродиться.

В последнее время с такими мыслями всегда ступаю на мост, соединяющий две части города. Старенькие бетонные опоры моста, построенного в середине шестидесятых годов прошлого столетия, сегодня прочно опутаны под водой многолетними лианами водорослей. Безвозвратно загрязнили они знаменитые кальмиусские родники.

Людмила Маравя родилась в городе Макеевке Донецкой области. Окончила Донецкую консерваторию. Печаталась в журналах «Крым», «Дон», «Нева». Живет в Донецке.

А мост своей позорной дряхлостью с наглядной очевидностью свидетельствует о царящей в Донецке безнадеге.

Ловко маневрируя между ограждениями моста — грубо сколоченными деревянными крестовинами с туго натянутой между ними бело-красной лентой, — приближаюсь к центру Донецка. Сегодня он основательно придвинулся к городским окраинам, вернее, сроднился с ними опасностью проживания.

Предыдущие восемь лет жители центра вовсе не испытывали страха оказаться под нешуточными обстрелами, привычно пребывая в мирном житейском благополучии. Вызывающе жил центр беззаботной жизнью, в которой было место и походам в театр, и прогулкам по ухоженным паркам, и обедам-ужинам в ресторанах со свистом взлетающих к потолку (нет, не снарядов) пробок из бутылок с шампанским. Под запуски в небо разноцветных огней фейерверков по всевозможным праздникам и без праздников.

А окраины Донецка, с первого дня конфликта, — под обстрелами. Непрестанно! Девять лет кряду! А центр, словно странный анклав беспечности, доступной избранным счастливым и счастливицам, продолжал тусоваться.

Проходя по мосту, внимательно гляжу по сторонам. Обстрел города, кажется, где-то совсем рядом, не только продолжается, но усиливается. У воды звуковая резкость усиливается. Иногда слышны несколько взрывов подряд. Зло больно ранит город. И все чаще — смертельно. Дурные мысли и накотившие к берегам реки звуки залпов жадно поглощают воды Кальмиуса. Река же с тихой настороженностью безмолвного участия в происходящем хрупко леденеет. Уже совсем скоро, к утру, все звуки, перемешавшись с холодным дыханием города, раскатятся по прозрачной поверхности первого в этом году кальмиусского льда.

Размышляю, но стараюсь идти быстрее. Мягким молочным светом горят на мосту стилизованные под старину фонари. Во многих стекла разбиты. Но высокие металлические остовы держатся стойко, с не поддающейся хаосу прямолинейностью.

Не споткнуться бы, не упасть. Глубокие щербины на асфальте моста коварны своей неожиданностью. Однако надо спешить. Сегодня — мой водный день. Дома дел — невпроворот. Согласно графику подачи технической воды в многоэтажные дома. Уже год, как горячая вода в домах вообще отсутствует. Газовые колонки срабатывают от случая к случаю, в зависимости от давления воды. А холодная — раз в три дня — стабильно подается по часам. В каком именно районе будет сегодня вода, узнаем из смс, которые рассылаются всем жителям.

Очень интересно рассматривать на экране телефона перечень городских районов. Невольно по ним вспоминается историческая карта Донецка: районы Ленинский, Ворошиловский, Буденновский, Калининский, Киевский, Петровский, Запореваляная, Магистральный, микрорайон Широкий, квартал 288, Боссе, поселок Полежакова, Азотный, Октябрьский, Застанционный, поселок шахты Октябрьская, Лидиевка, Солнечный, Голубой, Индустриальный...

Перечень — далеко не полный. Но и по сохранившимся революционно монолитным названиям районов, по их не измененным почему-то в духе нового, развязно-грабительского перестроенного времени по-новому видится город. Вспоминается, как тяжело буксовал он в годы начинавшегося в стране экономического застоя, как больно обростал на каждом метре, несмотря на свою легендарную живучесть, липомами лжи. Как быстро углублялась пропасть между посланием советских предков Донецку будущего и несметным богатством новых угольных «джентльменов», в годы кровавого беспредела отвоеванным у конкурентов — таких же беспринципных провинциальных барыг.

Вот и получается, водный коллапс Донбасса, как это ни странно, начался не в феврале 2022 года. Он безжалостно иссушает весь регион уже десятилетия подряд. Только не принято было тогда говорить вслух о перебоях с водой в городах, вплотную, без ви-

димых границ административного деления, подступивших к Донецку. Там вода уже давно подавалась в дома на пару часов в сутки. Там давно, десятилетия назад, люди привыкли к ее постоянному отсутствию, безропотно смирившись с положением отверженных. Не столь уж и отдаленные от Донецка жилые районы давно испытывают все тяготы депрессивного бытия: повальная безработица, жестокий дерибан шахт и заводов с последующим их закрытием. Десятки километров разрушенной, наштапированной тяжелым металлом промышленной зоны. Километры ужасающего упадка жизни, пинки в спины более ненужных, истаскавшихся на многочасовых шахтных сменах рабочих.

Именно так. Донбасс — регион тяжелого физического труда прежде всего. И только потом страна скученного проживания миллионов. Это — окраина полынного степного края, где усилиями многих удалось на какие-то годы создать прочные предпосылки добропорядочной и сытой жизни. Для всех без исключения. И это — оглушительно звенящий подземными богатствами край, где вызывающая ужас звериная жадность единиц, плебейская тяга неистребимой холопской поросли к фантастическому обогащению поставила целый регион на колени, довела людей до успешной поголовной утилизации.

...При въезде на мост о былом донбасском героизме напоминают лишь застывшие в немой безысходности окрашенные в черный цвет фигуры рабочих, революционеров, работниц в косынках на головах. Высятся на каменном постаменте символическим кругом трудового и боевого братства, словно иллюстрируя давно забытые лозунги. Здесь, у моста, собственно, и кончается относительная стабильность. И начинается хаос.

— А что мне ваш график? Если воды в кране нет, — между прочим поведала о своей жизни молодая женщина. — Я уже год снимаю квартиру на набережной.

— Вы приезжая?

— Ага. Блокадная скиталица со Щорса (улица, параллельная центральным проспектам Донецка).

— Так что же происходит?

— А то, что на наш кряжистый утес вода не доползает. Нет давления. Моя квартира на пятом этаже, считай, смертельный номер. — Женщина ироничеки рассмеялась. — А что же мне делать? Булькает что-то в кранах, по трехдневному графику, на уровне первых-вторых этажей, а дальше спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Слыхали? Отопления в нашем доме тоже нет.

— Как так нет!?

— А вот так. Стали запускать тепло, слесари-калеки бегали по подвалам, суетились, да трубы в подвале насквозь гнилые. Менять их или чинить кто будет? Из лета в лето ничего никто не делал. Жильцы годами писали письма, куда-то жаловались. А потом кто как может — соседи врубают кипятильники, печки. Отключается свет. Электрической проводке больше полувека. Я съехала оттуда. Теперь вон в том доме, — указывает рукой на многоэтажку у берега Кальмиуса, — и живу.

— А там вода есть?

— Ура! Есть! Моя квартира на первом этаже. Слушайте! Теперь это самый надежный в городе этаж. Вода из крана течет день и еще немного дольше, потом может часами тонкой струйкой ползти по трубам. Относительно тепло. Квартира не угловая. Да мне сейчас все равно... Работаю на удаленке. Хватает. Но из подвала той девятиэтажки вонища... Мама дорогая... Гниль кругом, вонючая радость бытия.

— Вы в городе одна?

— Почему это одна? Родители у меня здесь. Папа меня здорово опекает.

Пока мы с незнакомкой разговаривали, вокруг бегала вприпрыжку ее мохнатая озорная собачка, одетая в меховой комбинезон, со смешным капюшоном наполовину собачьей головы. Милашка, так ее звали, то резво убегала от хозяйки, то весело, чуть ли не запыхавшись, возвращалась к ней.

— А лапы собачке как моете?

— Да стоит у меня в коридоре пластмассовый таз с водой, вот сейчас придем домой, я ее туда и поставлю. Раз-раз, и все, — незнакомка громко похлопала в ладоши. Милашка, вдоволь нарезвившись, подбежала к хозяйке.

Вспомнила я об этой случайной встрече с молодой женщиной, когда вернулась домой и, стоя у крана с лихо льющей из него водой, наполняла ею пластиковые бутылки. Те самые, которыми теперь переполнено все свободное пространство в квартире после получения питьевой воды в виде гуманитарки из России. Гуманитарка уже несколько месяцев как прекратилась. Питьевую воду, как и все горожане, покупаю. Часть «гуманитарных» бутылей выбросила, но много, по необходимости, оставила. Потому что того запаса, что сейчас сделаю, заставив полкухни и ванной комнаты, мне хватит на пару дней. При экономии немного останется до следующего дня по графику: один раз в три вечера, с 19.00 до 21.00.

Надо нагреть воды, чтобы постирать, помыть посуду... И с сочувствием успеть подумать: как же тяжело приходится женщинам, кто пулей летит в такие водные дни с работы домой...

Молча наблюдая за жизнью давно знакомой мне кассирши в соседнем магазине, жизнь, вяло вытекавшей все прошедшие годы в бездонность безмыслия, однажды в испуге от поразившего меня открытия заметила: как же мрачно обесцветились ее когда-то красивые голубые глаза, как грубо обветрились на холодных сквозняках донецкого безвременья ее тонкие, всегда на виду руки. Устало, словно износившиеся крылья, истрепавшиеся в нескончаемом перелете в чудную страну не испробованного на вкус женского счастья, она (по годам ей — чуть больше тридцати) клала кисти своих рук у кассы, ожидая, пока покупатели пересчитывали деньги. Она, всегда исподлобья, внимательно и терпеливо, с кроткой покорностью известному только ей долгу, смотрела на людей. Не поднимая головы от раскрытой кассы, лишь однажды тихо сказала она раздраженному ее медлительностью и ядовито задевшему ее за это грубыми словами мужчине:

— Я — такая же, как и вы все. Только вы сейчас пойдете домой, недалеко отсюда живете, каждый день в магазин приходите, я вас знаю, а мне еще на Буденновку ехать... Не знаю, застану ли сегодня воду...

Люди у кассы притихли. Кто-то вслух догадался, что тот день был Буденновским. По графику техническую воду в тот район вечером погонят. Но Буденновка — это даже не Торез, не Макеевка. В магазинах, в сберкассах, в больницах работают женщины и из этих городков. Летом сломя головы спешат после работы на автобусы, подстраховывая одну друга — то одна подольше в магазине останется, то другая. Зимой снимают в Донецке квартиры, собираясь в небольшие, чтобы выходило подешевле, компании.

Такие компании возрастных моложавых женщин можно заметить на набережной, у Кальмиуса. Тихо о чем-то разговаривая и стараясь держаться особняком, медленно прогуливаются они по пешеходным дорожкам. Такие «девчичники» стали бросаться в глаза после стремительного исчезновения из города мужчин. Много вокруг жизненных, совсем несентиментальных историй.

Невозможно было не обратить внимания на стройную молодую девушку, шаловливо подбрасывавшую в воздух громко смеявшегося малыша. Их я часто замечала у Кальмиуса. Довелось однажды присесть рядом с девушкой на скамейку, пока ее малыш, смешно подражая реву буксующей машины, катал по дорожке игрушечную машинку.

— А у нас давно все мужчины по заработкам разбежались, — поделилась женщина. — И в Украину, и в Россию, и в Польшу рванули, когда еще ничего здесь и не начиналось. Знаю таких, кто себе там новую семью завел. Хотя и приезжают иногда к своим старым, к здешним, значит. Девчонки тоже разбежались. Многие уже в Европе. Там программы какие-то работают. Языки учить надо. А я не могу уехать. У меня

родители пожилые. Ухаживаю за ними. А родить решилась... когда поняла, что замуж вряд ли когда выйду. Мне уже двадцать семь. Наплакалась в подушку по любви, которой нет... по семье, которая не случится в моей жизни... Мама быстро утихомирилась, когда узнала, что рожу, она у меня учительницей до пенсии работала. А вот с отцом... он у меня бывший военный... Только что не в рукопашную на меня бросался. Знаете, так смешно было наблюдать, как он вначале к моему сыну присматривался, чуть ли не принохивался, боком как-то на него смотрел. Я качаю Антошу, коляска посреди комнаты, а отец делает вид, что газету читает. А сейчас жить без него не может.

— Может, и вам уехать отсюда надо...

— А я уезжать никуда не собираюсь. Пенсии есть у моих стариков... У мамы, правда, крошечная, учительская... Сказали в Пенсионном фонде — ущербная категория, а ведь у нее сорок лет стажа... представляете? Хотя у отца хорошая пенсия, военная. Но денег все равно — курам в один присест склевать. А лекарства надо покупать. Сама получаю пособие как мать-одиночка. Уже и подрабатываю, квартиру два раза в неделю у одних убираю.

— Много платят?

— Пособие, что ли? Ой, лучше не смешите, дождетесь, ага... Хорошо, что послушалась маму и, пока Антоша подрастал, — кивнула на малыша, — не покупала ему подгузники, а хотелось же пожить цивилизованно, — девушка рассмеялась. — Рук своих было жалко. Ежедневные стирки пеленок. Все тряпки в доме в ходу были. И еще гум-помощь была такая, подгузниками для грудничков. Да всего пара пакетов... когда-никогда... Долго не протянешь. И хозяева квартиры особо не балуют. Как-то задержалась я на уборке, в городе начинался комендантский час, пришлось вызвать такси, чтобы домой доехать. Почти треть заработанного заплатила за поездку.

— А специальность есть?

— Только-только аттестат школьный получила, когда все начиналось. Мы уехали из Донецка. Почти год скитались по квартирам в Бердянске. Деньги быстро кончились. Мы вернулись. Учиться надо было, через год без труда и практически без конкурса поступила в университет, на филологический. Диплом есть. Да пошла официанткой в ресторан работать. На чаевых хорошо держалась. Очень уставала, но такого насмотрелась... — Девушка закатила глаза. — Веселится народ, ничего не скажешь, шикар-но люди живут. — И тут же сникла, вытянув в трубочку красивые губы.

— И как же вы сейчас живете?

— Знакомые одежду от своих деток нам отдают. Дети же быстро растут. Люди, как оказалось, залежи детской одежды хранят. Штанишки-кофточки с этикетками попадают. У меня подруга (вместе в школе учились) работала в частном детском садике, так рассказывала, что одна знатная мамаша ей свои почти новые эксклюзивные вещи с удовольствием отдавала. А так... Нам только секонд-хенд, блажь бедняцкая, и достается... — Девушка обернулась и посмотрела на меня немигающим взглядом старухи, а в голосе ее на миг послышались интонации измученной житейскими невзгодами, слишком рано помудревшей женщины.

И это было так неожиданно: внешне она выглядела внутренне подтянутой, полной душевного здоровья и ощутимого оптимизма. Такие легко и смело преодолевают любые невзгоды.

Оптимизм, к счастью, в Донецке заразителен. Помню, как покупала кусочек мяса, себе на котлетки, одна общительная бабушка. С шуточками-прибауточками приценивалась, пока выбирала глазами нужный кусочек в стеклянной витрине магазина. А когда наконец один тощий обрезок ей приглянулся, вытащила из глубокого кармана куртки небольшую жменю денег. Осторожно положила монеты и несколько бумажных купюр на прилавок перед продавщицей, аккуратно разложила денежки указательным, искореженным подагрой пальцем:

— На, Таня. Бери, посчитай. Все, что от секунда осталось.

— Да вы, я смотрю, опять потратились? — продавщица серьезным взглядом смерила бабушку. Взвесив мясо на весах и пересчитав деньги, она какие-то монетки бабушке вернула. — Сегодня еще и знатно погулять у вас получится!

— Да ты что?! — бабулька обрадовалась. — Шоколадку себе куплю. Ох, и люблю я шоколад, Таня, — бабушка, лукаво улыбаясь, аппетитно причмокнула языком.

Шоколад в Донецке покупают. Очень популярен дорогой, с припиской на ценнике: настоящий. А тот, что из соевого суррогата да с разными фруктовыми консервантами, вообще не залеживается в магазинах. А секунд-хенды, многочисленные барахолки европейского ширпотреба, — источник радости для большинства женщин. Слова у входа: **НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ** — обрели магическую силу над женской душой, став источником блаженства! За прожитые годы заметно упрочил секунд-хенд свое присутствие в женском гардеробе. А ценовая недоступность качественных вещей — кожаной обуви, шерстяного пальто, красивого льняного платья — увесистой оплеухой бьет по лицу женского самолюбия.

Но от нее можно и увернуться, став завсегдатаем местных рынков. Работает еще в городе сеть популярных магазинов, пополняющих ассортимент из Китая, не напрямую, разумеется. Два этажа дешевого ширпотреба: колодкообразные туфли на огромных каблучищах, черные прорезиненные лосины в обтяжку, воздухо непроницаемые, под кожу курточки для быстро взрослеющих девчонок. Аляповатые нелепые сумки — для женщин. И ряды рюкзаков. Их носят и девушки, и женщины. И как же это все беспощадным издевательством над женской сущью угнетает сознание!

Издеательства над сознанием, правда, ловко избегают местные чиновницы. Потому что есть в таком магазине островок качественного текстиля: нежные, чудных лавандовых расцветок, длиной до самого пола, банные халаты, комплекты постельного белья увесистыми стопками высятся на полках... А какой выбор махровых полотенец... банных, ручных, для ног... Но цены... Однако ответственно служащие женщины не скупятся. С холодной деловитостью и руководящим достоинством катят они к кассе тележки, наполненные доверху роскошным товаром.

...Однажды в одном из магазинов наткнулась на праздничный торт под названием «Черный лес». И как после этого, несмотря ни на что, верить в светлые мечты или мечтать о светлом? Быть может, так надо, чтобы в коробке со взбитым кремом мистическим образом загустела странствующая в донецкой ауре скорбь, выплаканные слезы тихо и безвременно овдовевших и осиротевших в блокадном времени женщин, замороженных долготерпением и годами не иссякающей бессонницей? У каждой она — своя. У каждой дончанки свой крест. Одухотворенное безропотное смирение тихо тлеет в их душах, вспыхивая иногда искорками незатухающей надежды...

Измученные бессонными думами, они не утратили способности просто и искренне откликнуться на душевное смятение ближнего и обнадеживающе подбодрить страждущего. Чтобы каждый почувствовал в себе силу жить заново. Потому что не каждый рождается с серебряной ложкой во рту. Потому что запас выносливости в ярме безотрадной жизни у каждого (таких большинство) не бесконечен. А смысл жизни банально расчеловечивается в пошлой бравате показного веселья. Оно неуместно в теперешнем Донецке. Оно насквозь вульгарно и неминуемо проиграет неумолимому пришествию эры беспросветной опустошенности. Когда причина есть. Когда содрогающийся окружающий мир воспринимается обостренно-болезненно. Когда так спасительны несколько ненавязчивых слов доброго пожелания.

Так всегда было, и так есть. И вряд ли когда-нибудь может быть по-другому.